

18+

ОЛЬГА КРАСОВА

Устрицы

ПОВЕСТЬ

Ольга Красова

Устрицы. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51142320

ISBN 9785449826695

Аннотация

Скучающая и неприкаянная после тяжёлого расставания с любимым девушка Яна случайно знакомится с такой же, на первый взгляд, скучающей и неприкаянной рыжеволосой Региной...

Устрицы

Повесть

Ольга Красова

© Ольга Красова, 2020

ISBN 978-5-4498-2669-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Бейте палками лягушек.
Это очень интересно.
Отрывайте крылья мухам,
Пусть побегают пешком.
Тренируйтесь ежедневно,
И настанет день счастливый —
Вас в какое-нибудь царство
Примут главным палачом.*
Г. Остер

За окном аудитории барабанил дождь. Упрямо и разъярённо. За кафедрой гроыхал профессор. Величаво и выразительно. Настырная дробь плюс ритмичный речитатив — такой себе академический рэпчик.

Тихонько я начала непроизвольно притопывать ногой под столом. Ярусом ниже сидящая впереди меня девушка постукивала карандашом по столу. Я заглянула ей через плечо – тетрадный разворот разрисован разносортными насекомыми: жуками, стрекозами, гусеницами, микроскопическим гнусом. Я тихо присвистнула. Профессор вытянул шею в нашу сторону и одобрительно кивнул, щуря фасеточные глаза. Явно принял на свой счёт моё восхищение. Мы с незнакомкой прыснули.

В перерыве вышли покурить на улицу под подъездный козырёк. Девушка чиркала полупустой зажигалкой, прикуривая гнутую самокрутку, похожую на косяк марьянны. Я рассматривала её, незнакомку. Ровная, складная, прямая – вся какая-то идеально-геометрическая. Витрувианский человек. Только рыжие волосы, торчком и врзлёт, будто от другой девушки, подтверждали мою теорию о том, что в этом мире всё на довольно среднем уровне.

– Не возражаешь? – я навела на неё камеру смартфона и сделала кадр. Въевшаяся привычка останавливать мгновения. Это я назову «Возвращение к жизни».

Я прикурила свой анорексичный «вог», выпустила тройку изящных колец прямо в её рыжую копну. Кольца послушно легли, вплелись в её медные кудри, повторяя завитки. Дождь

унимался. Дождевые черви вытягивались в параллельные прямые на асфальте. Я на цыпочках вышла из-под козырька, нагнулась и бережно перенесла червей обратно на газон.

– Ну вот, спасены. – восторжествовала я.

– Ты мешаешь им дружить. И спариваться. – пыхнув «марьиванной», заметила рыжеволосая, умаляя мой внезапный акт милосердия. Кратко пересказала мне, невежде, несколько причин, по которым, как предполагают учёные, черви выползают после дождя на асфальт.

– Как бы то ни было, у них свой умысел. Черви не бестолковы. И ты в этот умысел вмешиваешься. – заключила она.

Должно быть, в моих зрачках, как символы на барабанах «однорукого бандита», высветились вопросительные знаки. Будь у меня третий глаз, рыжеволосая сорвала бы джек-пот.

Выяснилось, что девушка давно увлекается зоологией, в частности энтомологией и всеми её направлениями. Посещает специализированные лекции, подобные сегодняшней – о бделлоидных коловратках. И уже зарегистрировалась на следующую – «Выемчатокрылые моли подсемейства *Dichomeredinae*». Не удивлюсь, если она и диссер пишет о каких-нибудь козявках. А может, стажирuется в лаборатории

криминалистики, изучает по насекомым стадии разложения всякой органики.

Я же объяснила своё присутствие на лекции тем, что просто люблю красивые слова. Необычные, прихотливые, фонетически и акустически запредельные. Могу купить учебник по квантовой физике, пробуя на вкус каждую страницу, каждый неведомый мне термин и их смысловую общность. Или включить фильм на каком-нибудь незнакомом, совершенно чуждом уху языке, внимая неродным, порой вычурным интонациям, тональностям и созвучиям. Но скорее всего я просто люблю прихватывать всего понемногу, то тут, то там. Эдакая всезнайка-профан.

Дослушав меня, рыжая сделала широкую, на всё лицо, улыбку. На правой щеке выступила ямочка – будто проткнули щёку гвоздём, и шляпка чернеет в центре. А левая осталась гладкой. Изумительная асимметрия! Невыносимо захотелось поцеловать её в щёку. В ту, где проклюнулась рывинка. Похоже, я подумала об этом вслух, потому что рыжая приблизилась и поцеловала меня в губы. Не робким клевком, а медленно, влажно и жгуче. Целовались, пока дотлевшие сигареты, её косяк и моя супер слимс, не выплавили на чисто папиллярные линии на подушечках наших указательных и средних пальцев.

Возвращались в аудиторию, держась за руки. Регина, ногастая и высокая, шла быстро, я семеняла по вышарканному паркету, отставая. Её рука натягивалась, как поводок, волочащий упирающегося пса с прогулки домой. Наши пальцы сплетались паучьими лапками, мягкими, снующими. Мы, стихшими до полушёпота голосами, похихикивая, спорили, на кого похож наш сегодняшний профессор-энтомолог. Мне больше по душе пришлось сравнение с кузнечиком, в детстве, помню, нравилось их ловить – опускаешь ладонь-ковшик, зажимаешь аккуратно, а внутри щекотно и стрекочет. Регина, на правах знатока, настаивала на богомоле – и тело длиннее, и нижняя часть толще, яйцевидная. И шея, есть шея с треугольной головой, смотрящей желтизной хитрых глаз. А руки, говорила она, обрати внимание на его руки – какие подвижные и алчущие.

А бывшего моего, кстати, звали Ренард. Француз, коренной парижанин. Познакомились на Крите и оголтело друг в друга влюбились. Переписывались, раз в два месяца встречались-съезжались на недельку или уикэнд, пока горечь очередного расставания не изъела наши сердца, подобно некрофагам, обгладывающим падаль.

Ренард, Регина, реанимация, реинфузия, «реланиум» – я настойчиво, но помимо воли осваивала ноту «ре».

После лекции проболтали в кафе. О кино, музыке, книгах, парнях, о членистоногих и заднежаберных, о сыре и о Кафке. Регина умела увлекательно рассказывать и заинтересованно слушать, не подпирая кулаком уставшую, отяжелевшую от груза чужих рассказней голову.

Расставаясь, обменялись всем, чем обычно меняются приглянувшиеся друг другу люди: телефонами, взаимными подписками в соцсетях, горящими взглядами и кофейным вкусом на губах. Дома перед сном я вспоминала дождевых червей и свою медвежью им услугу, Регинину рыжину и ямочку на щеке. И уж совсем напоследок – Ренарда. Его клетчатый кашемировый шарф, пропахший коньяком и «Голуазом», чувственный, мягкий очерк его рта и горячие, будто калёные ладони, сжимающие мои щиколотки.

Да ну, нет, думала я, отговорюсь, что занята, если она позвонит. Может, потом как-нибудь...

Регина позвонила через день. Позвала в гости на сырное фондю.

– А как же твои выемчатокрылые моли? – спросила я, озираясь в поисках иллюзорного суфлёра, у которого для меня непременно есть наготове коллекция отговорок на все случаи жизни. Хотя точно знала, что приду.

– Да ну их! Почитаю про них в интернете!

Я долго ковырялась в цветочном магазине, выбирая что-то, на мой взгляд, подходящее для Регины. Флорист составила мне три букета, которые я в итоге забрала. Красивые, стильные, со значением и без – ничего не годилось. Пестрядь какая-то, надменная и пустяковая.

– А это что у вас? – увидела я в ведёрке несколько головастых конусовидных цветков на толстом стебле. Как большие артишоки.

– Это протей. Очень долго будет стоять!

Купила две. Одну оставляю себе. Я равнодушна к цветам, да и ухаживать за ними ленюсь, но это «существо» мало напоминало мне обычный цветок, скорее какой-то ботанический гомункул, нарождённый сам по себе. В каждом цветочном магазине, в самом неприметном углу, должно быть, томиться в ведре из нержавейки пять-шесть таких для особо взыскательных покупателей, которые приходят, смотрят и, не найдя ничего по вкусу, разворачиваются, чтобы уйти.

По дороге из цветочного забрела в ТЦ, где в одном из магазинов приобрела сумку, которая давно обо мне мечтала. Предстоящие свидания – это будильники, которые всегда звенят вовремя, пробуждая первобытные женские инстинкты к мотовству.

Квартира Регины поразила меня аскетичностью обстановки. Много пространства, которое не стесняло большое количество книг, много света, много скрипов – от дверных косяков, паркета, шкафных дверок, много одиночества. И ничего, что хотя бы намекало на необычное хобби хозяйки, – ни одной букашки. Регина ходила по квартире будто на цыпочках и почти не касалась ничего вокруг. Если отождествить квартиру с живым человеком, то они с Региной словно обиделись друг на друга, словно случилась у них размолвка, временный взаимобойкот.

– Ты как будто разочарована. – почти угадала мои мысли Регина.

– Я думала, что попаду в инсектологическое царство. Где все твои жуки?

– В компьютере, на полках. В блокнотах.

– У тебя ваза найдётся? – я кивнула на зажатую в руке

протею.

– Гигантский артишок? Как мило! Ты знаешь, что цветы – это...

– Половые органы растений! – перебила я, довольная своим «мы все учились понемногу».

– Хм. Я совсем не то хотела сказать, но ход твоих мыслей мне нравится.

– Очень долго будет стоять! – выпалила я обещание флориста, присаживаясь на диван. Он пригласительно скрипнул.

Мы накалывали на шпажки ржаные гренки, макали их в фондю и молча ели. Былопряно, вкусно и немного неловко. Я почему-то вспомнила, что если бы не приглашение Регины, я бы пошла сегодня с коллегами после работы в ирландский паб. Мы бы опрокидывали пинту за пинтой, громко хохотали и флиртовали с Максом – бледным, анемичным официантом, похожим на Мэрилина Мэнсона без грима. Макс бы сильно смущался, лыбился, пряча зубы, и непременно принёс бы три текилы за счёт заведения. А Ренард, я посмотрела на часы (куда-то торопишься? – тут же среагировала Регина), сейчас, наверное, тоже что-то готовит. И, может быть, не для себя одного. Он отменно готовил, просто

виртуозно! И также виртуозно расправлялся с едой, смакуя каждый кусочек, наслаждаясь каждым пред и послевкусием. Он познавал. Еду, жизнь, женщин.

Я залпом допила своё вино. Во рту стало терпко и уступчиво. В груди забилась птица, требовательно и порывисто, оперившаяся, готовая к первому, далёкому и опасному полёту. Я притянула Регину за вырез футболки и поцеловала в губы.

Она раздевалась по-мужски, стаскивая футболку через голову. И раздевала по-мужски – одним рывком джинсы и трусики. По-мужски же, властно, убедительно, даже методично, осваивала новую территорию. Я подумала вдруг, даже преисполнилась уверенностью, что Регина видела себя если не вообще, то сейчас – мужчиной, и это доставляло ей особое, острое, даже болезненное удовольствие.

А рыжие парни никогда не обращали на меня внимание, никогда не влюблялись в меня. Такая вот странность.

После близости, которой не могло или не должно было быть, после неумышленной близости или противоестественной нестерпимо, просто до одури хочется переместиться в любую обстановку, желательно знакомую, родную, где бы ничто не напоминало о происшедшем. Окунуться в ка-

кое-нибудь монотонное занятие, требующее дотошного внимания, и отсрочить, отдалить момент, когда воспоминания и ощущения от «содеянного» нагрянут без стука и рассядутся вокруг тебя, зажмут в кольцо. И ты прогонишь эти воспоминания, пинками и взашей, захлопнешь за ними дверь, лязгнешь засовом, поставишь квартиру на сигнализацию, забаррикадируешься, для верности, крупногабаритной мебелью. Как барракуды – они образуют воронку, чтобы защититься от врага, от любого непрошенного гостя (а я тоже кое-что знаю о позвоночных). Барракуды – баррикады.

Или, напротив, придвинешься к ним, к этим непрошеным, но самым желанным гостям поближе, улыбнёшься каждому, чаем всех напоишь и скажешь: «чувствуйте себя как дома».

Засыпать с кем-то *после* и просыпаться утром – для меня не одно и то же. Если и просыпаться с кем-то, то только с тем, с кем готова уснуть хотя бы ещё раз. Утро священно и безапелляционно. Оно как похмелье в самом широком смысле. Утром ты всё понимаешь и знаешь, как хочется: пустой подушки рядом или примятой чьим-то лицом. Новым и, возможно, не совсем желанным.

Я осторожно высвободилась из-под пледа и встала с дивана, тот укоризненно скрипнул. По тому, как лежала Регина,

как мерно приподнималась вдохами её грудь, трудно было понять, спит она или притворяется. Медные пряди, спутавшись как в сговоре, заслоняли лицо, прятали его от меня. Регина лежала на боку, ноги согнулись в коленях – как будто крутила педали на велике, да так и заснула. В лицо мне смотрели две розовые ступни сорок первого размера. В полумраке тело Регины казалось жёлтым, как банановая кожура, снятая с плода.

А ведь так и было: я поскользнулась на Регине, как на банановой кожуре, и больно ушиблась затылком, когда упала. Я достала свой мобильник и украдкой сфотографировала спящую. Это мгновение я назову «Интенсивная терапия».

Одевшись, я вышла из комнаты и завернула на кухню. Стало неловко сразу бежать в прихожую и одеваться. Я выкурила сигарету учтивости, смыла окурки в туалете и ушла, тихо притворив за собой дверь. Покидая подъезд, я знала, что если обернусь, то замечу её рыжую голову в окне. Знала, что она не спала и дала мне время на побег. Я словно увидела, как после моего ухода, Регина пошевелилась в постели, откинула волосы с лица, как встала и, нагая, прошлёпала на кухню, где закурила *мою* сигарету (я специально оставила свою пачку) и подошла к окну.

Глупо оборачиваться, когда сбегаешь, поджав хвост.

Вечером я сама написала ей. Не из вежливости – мой эгоизм исключает какой-либо политес. Просто захотелось узнать, как она провела день. Регина как ни в чём ни бывало рассказала, чем занималась и выразила сожаление, что мы едва притронулись к фондю. Зато притронулись к десерту, рискованно пошутила я и умозрительно вынесла себе мозги из револьвера. Регина прислала ржущий смайлик.

Однажды, это было уже зимой, мы жутко вымерзли, выписывая кренделя на открытом катке. День был ветренный, и в лица и спины нам горстями летели колкие снежные крупинки. Теряя равновесие от собственной неповоротливости, мы падали на колени, складываясь перочинными ножами, набивали синяки. Регина была смешная в полосатых гетрах, пузатом пуховике, вязаной ушанке и варежках на резинках. Долговязая, с морозной краснотцой на щеках, с белым инеем на рыжих ресницах.

Смешная и очень красивая.

Околевшие, дома мы полезли в ванну, греться и блаженствовать. Я намылила шампунем Регинину копну, вспенивала яростно, злорадно ожидая, что пена окрасится в рыжий. Совсем не верилось, что можно от природы иметь такой правдивый «прусачий» рыжий цвет. Регина наверняка

чем-то особенным омедняет свои волосы на зависть хурме и самому солнцу. И мне ревностно хотелось разоблачить её маскарад. Но не вышло.

Я достала из мыльницы своё любимое дегтярное мыло, взбила пену, шумно вдохнула резкий запах горелой бересты и принялась намыливать безупречную геометрию Регины.

– Ой, фу! – та отфыркивалась и дёргалась.

– Что фу? Знаешь, что говорят дерматологи о чистой коже? Чистая кожа должна скрипеть! Вот так! – наяривала я мочалкой. – У меня как у бабочки – вкусовые рецепторы на «лапках», я пробую тебя на вкус. Регина в дегтярном со-усе!

Я охаживала мыльными ладонями спину Регины, плечи, спускалась к ягодицам, скоблила бёдра – Регина скрипела, как снег при тридцатиградусном морозе, как стекло, по которому полосуется вилкой. Я, прикрыв глаза, подпевала творимой скрипящей симфонии, Регина довольно покрякивала и сучила ногами по скользкой ванне. Я обвела пальцем v-образный шрам от аппендицита у неё на животе, тоненько поскребла его и поцеловала. А после мы, обессиленные и розовые, лежали валетиком в пене и изнывали от счастья.

Моим друзьям Регина понравилась. Они, любознательные и жадные до всего нового, отсутствующего по разным причинам в их картинах мира, с нескрываемым интересом расспрашивали её о жучках-паучках-членистоногих. Регина остроумно сыпала как из рога изобилия занимательными фактами о братьях наших мизерных, живописала о мудрёных повадках насекомых, на первый взгляд непостижимых человеческому пониманию. Юморила, хохотала и украдкой искала, ловила мои одобрителные взгляды. Мне было радостно и странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.